

СИНГУЛЯРНОСТЬ ВОЛИ

ДЕНИС АЛЕКСЕЕВ

Денис Алексеев

Сингулярность воли

<https://litres.ru/74640608>

SelfPub; 2026

Аннотация

Элеонора Тэн возглавляет Академию, но мир магии на грани краха.

Эфир «устал» от войн, порождая искажения, а новая секта «Чистых» предлагает радикальное решение: отказ от личности ради тотального покоя.

Столкнувшись с предательством учеников и искушением забвением, Эля должна найти третий путь.

Вместе с вернувшимся Валерианом она бросает вызов идеологии безличной гармонии. В финальной битве разумов девушка доказывает: хаос свободы ценнее мертвого порядка.

Рождение «Нового Договора» меняет суть магии навсегда.

Содержание

Глава 1. Наследие тишины	4
Глава 2. Эхо искажений	12
Глава 3. Голос пустоты	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Денис Алексеев

Сингулярность воли

Глава 1. Наследие тишины

Год, прошедший после падения «Хроноса» и отставки магистра Корвина, не принес в Молчаливую Башню того безмятежного покоя, о котором Элеонора тайком мечтала в самые темные дни осады. Напротив, эта новая эра оказалась наполнена шумом, суетой и тяжестью ответственности, которая давила на плечи сильнее, чем любая магическая атака. Тишина, когда-то бывшая её убежищем, теперь стала роскошью, доступной лишь редкими мгновениями на рассвете, когда город еще спал, а бюрократия Гильдии не успела прислать новые запросы, отчеты и предписания.

Элеоноре исполнилось пятнадцать лет. Этот возраст стал для неё рубежом, отделяющим юность от взрослой жизни, полной компромиссов, сложных решений и постоянного балансирования между собственными идеалами и требованиями реальности. Она больше не была просто ученицей Валериана Тэна или девочкой, спасшей пациента из комы. Теперь она носила титул Директора Независимой Исследовательской Академии при Башне — должность, созданная специально для неё Советом Магов как знак примирения и при-

знания заслуг. Но вместе с титулом пришло понимание: быть лидером значит не только вдохновлять, но и отвечать за каждого, кто доверил тебе свою судьбу.

Утро началось не с медитации или изучения древних фолиантов, а с звука стука в дверь кабинета. Резкого, нетерпеливого, нарушающего хрупкий порядок мыслей.

«Войдите», — сказала Эля, откладывая перо. Перед ней лежала стопка документов: заявки на обучение, жалобы соседей на «неестественное свечение окон», запросы от Министерства Магии о стандартизации новых методов целительства.

В кабинет вошел молодой человек, лет двадцати, в мантии ассистента. Его лицо выражало смесь почтения и скрытого раздражения.

«Директор Элеонора, — начал он, избегая смотреть ей прямо в глаза. — Пришло письмо из Департамента Контроля Эфира. Они требуют предоставить полные журналы экспериментов за последний квартал. Угрожают приостановкой лицензии на использование реактивов класса А, если мы не предоставим данные до конца недели».

Эля вздохнула. Это был уже третий подобный запрос за месяц. Департамент, возглавляемый лояльными сторонниками старой гвардии Гильдии, искал любой повод, чтобы подчинить Академию своему контролю. Они не могли открыто атаковать её после публичного триумфа над «Хроносом», поэтому вели войну на истощение, заваливая бумага-

ми, проверками и мелкими придирками.

«Подготовьте архив, магистр Кайл, — спокойно ответила Эля. — Но не отдавайте оригиналы. Только копии, заверенные нашей печатью. И добавьте приложение с пояснениями по методологии "Шифра Личности". Пусть они видят, что мы ничего не скрываем, но и не позволяем вмешиваться в процесс обучения».

Кайл кивнул, но в его взгляде мелькнуло сомнение.

«Это займет много времени, Директор. У нас и так не хватает рук. Новые студенты требуют внимания, лаборатория нуждается в ремонте после прошлогодней осады, а вы... вы сами работаете без выходных».

«Мы справимся, — твердо сказала Эля. — Потому что у нас есть цель. Помните, зачем мы здесь? Не ради бумаг. Ради того, чтобы магия служила людям, а не системам».

Когда ассистент вышел, Эля осталась одна. Она подошла к окну. Город внизу жил своей жизнью: экипажи стучали колесами по мостовой, торговцы выкрикивали цены, дети бегали по площадям. Обычная, хаотичная, прекрасная жизнь. Жизнь, которую она защищала. Но теперь она чувствовала себя отделенной от неё стеклянной стеной кабинета. Она наблюдала, но не участвовала. Была частью механизма управления, а не частью потока.

Её взгляд упал на пустое кресло напротив стола. Кресло Валериана.

Маг уехал две недели назад. В горный санаторий «Высо-

кие Пики», где воздух был разреженным, а эфирные потоки спокойными. Проклятие «Молчания», оставленное Корвином, требовало длительного лечения и изоляции. Валериан сказал, что ему нужно время, чтобы восстановить связь со своим внутренним ядром, которое было сильно повреждено годами сопротивления и финальной битвой.

«Ты должна стоять сама, Элеонора, — сказал он тогда, прощаясь. — Башня теперь твоя. И Академия. Я вернусь, но ты должна научиться слышать свой собственный голос, а не мой эхо».

Эля скучала по нему. Не только как по учителю, но и как по другу, по отцу, по опоре. С его отъездом тишина в Башне стала другой. Более одинокой. Более звенящей от вопросов, на которые некому было ответить немедленно.

Она вернулась к столу и взяла следующий документ. Это было заявление от нового студента, девушки по имени Лира, которая просила принять её вне очереди, ссылаясь на «особую чувствительность к эфирным искажениям». Эля прочитала письмо внимательно. Текст был сбивчивым, эмоциональным, полным метафор о «голосах в стенах» и «тнях, которые шепчут имена». Раньше она бы отнеслась к этому скептически, списав на подростковую фантазию или нестабильность психики. Но после опыта с «Чистыми» и понимания того, как тонка грань между гениальностью и безумием в мире магии, она решила встретиться с девушкой лично.

Звонок в дверь прервал её размышления.

«Войдите», — повторила она.

На пороге стояла Лира. Худенькая, бледная девушка с большими, темными глазами, в которых плескался страх. Она держала в руках потертый рюкзак и смотрела на Элю так, словно та была последним спасательным кругом в бушующем океане.

«Директор Элеонора?», — прошептала она.

«Да, проходи, Лира. Садись», — Эля указала на стул. — «Расскажи мне о своей "чувствительности"».

Лира села, сжимая ремни рюкзака побелевшими пальцами.

«Я слышу их, — начала она тихо. — Магию. Не как силу. Как боль. Когда маги используют заклинания, я чувствую, как эфир кричит. Особенно сейчас. После войны. Он... он уставший. Раздраженный. И иногда он отвечает мне. Шепчет вещи, которые я не хочу знать».

Эля наклонилась вперед. Это было похоже на симптомы, которые она изучала в рамках исследования «эфирного шума». Но у Леры это проявлялось иначе. Не как физическая боль, а как ментальный резонанс.

«Что именно он шепчет?», — спросила Эля мягко.

«Имена, — ответила Лира. — Имена людей, которые забыли себя. Тех, кто потерялся в толпе. Тех, кто боится быть собой. Он зовет их домой. В тишину».

Эля почувствовала холодок. «Тишина». Слово, которое стало символом идеологии «Чистых» — новой группы, о ко-

торой ходили смутные слухи в кулуарах Гильдии. Группы, считавшей, что индивидуальность — это источник страданий, и что истинная гармония возможна только через отказ от «Я».

«Лира, — сказала Эля серьезно. — Ты не одна. Есть и другие, кто чувствует подобное. Но этот "шепот" может быть опасен. Он может увести тебя туда, откуда нет возврата. В место, где нет боли, но нет и радости. Нет любви, но нет и потери».

Девушка подняла на неё глаза. В них мелькнула надежда. «Вы знаете, как остановить его?»

«Я знаю, как научиться слушать, не поддаваясь, — ответила Эля. — Как превратить шум в музыку. Как защитить свое "Я", не закрываясь от мира. Это трудно. Это требует работы. Но это возможно».

Лира выдохнула, словно сбросила тяжелый груз.

«Я готова работать. Я хочу понять. Я не хочу исчезать».

«Тогда добро пожаловать в Академию, — сказала Эля, улыбаясь. — Мы начнем с основ. С построения твоего собственного "Шифра Личности". Но помни: это не защита от мира. Это способ остаться собой в мире, который постоянно пытается тебя изменить».

Когда Лира вышла, Эля почувствовала странное облегчение. Помощь этой девушке дала ей то, чего не давала бюрократия: смысл. Чувство, что она делает что-то важное. Что-то настоящее.

Но радость была недолгой.

Вечером, когда солнце село и Башня погрузилась в сумерки, Эля получила еще одно письмо. Не официальное. Личное. От анонимного отправителя.

На листе пергамента было написано всего одно предложение, выведенное красивым, острым почерком:

«Тишина ближе, чем ты думаешь, Директор. И она холодна».

Эля сжала лист в руке. Сердце забилося чаще. Это было предупреждение? Угроза? Или просто игра больного разума?

Она подошла к окну. Город внизу зажигал огни. Но теперь эти огни казались ей хрупкими. Уязвимыми.

«Хронос» пал. Но идеи тотального контроля, страха перед свободой и желания покоя любой ценой никуда не делись. Они мутировали. Стали тише. Хитрее. Опаснее.

Эля поняла: война не закончилась. Она просто сменила форму. Из открытой битвы она перешла в войну теней. Войну за умы. За души. За право быть несовершенным, живым, чувствующим человеком.

И она, Элеонора Тэн, стояла на передовой этой войны. Одна.

Но не совсем одна. У неё была Академия. Были ученики. Была память о Валериане. И была её собственная воля. Воля, закаленная в боях, отточенная знаниями и согретая любовью к жизни.

Она открыла «Книгу шифров» и на новой странице написала:

«День первый. Наследие тишины. Лидерство — это не власть. Это служба. Служба правде. Служба людям. Служба себе. Тишина может быть врагом. Но если научиться слушать, она станет союзником».

Под этим она нарисовала ухо, внутри которого рос цветок. Символ внимательности к миру, не теряя себя.

За окном началась метель. Ветер выл, пытаясь проникнуть внутрь. Но защитные руны мерцали спокойным голубым светом. И Эля знала: она готова. К чему бы ни привела эта новая тишина.

Потому что она научилась говорить. И её голос был слышен.

Глава 2. Эхо искажений

Второе утро после встречи с Лирой началось для Элеоноры не с привычной рутины, а с ощущения диссонанса, который проник в самую ткань реальности Молчаливой Башни. Это было не физическое недомогание и не магическая атака извне. Это был внутренний сбой системы, тихий, но настойчивый гул, который слышался в скрипе половиц, в мерцании ламп, в самом воздухе, ставшем вязким и тяжелым, словно пропитанным невидимым маслом. Эля проснулась с головной болью, которая пульсировала в такт этому странному ритму, и поняла: что-то случилось. Что-то фундаментальное изменилось в структуре эфира, окружающего город.

Она быстро оделась и спустилась в лабораторию. Валериана не было, и эта пустота ощущалась острее, чем обычно. Но сегодня ей нужно было полагаться только на себя. На столе лежали отчеты от студентов старших курсов, которые проводили практические занятия в городских районах. И каждый отчет содержал одно и то же тревожное слово: «искажение».

Эля начала читать. Первый студент описывал случай с простым заклинанием освещения: вместо мягкого света лампа выдала ослепительную вспышку, которая оставила у пациента временную слепоту. Второй сообщал о неудаче при лечении перелома: регенерация тканей прошла слишком быстро, вызвав деформацию кости и сильную боль. Третий

писал о том, что его защитный щит рассыпался без видимой причины, хотя все расчеты были верны.

«Это не ошибки новичков», — прошептала Эля, перечитывая строки. — «Это системный сбой».

Она взяла свой кристалл-детектор и вышла на балкон. Город внизу казался обычным, но её внутреннее зрение видело иную картину. Эфирные потоки, которые раньше текли плавно и предсказуемо, теперь были взлохмачены, полны узлов и разрывов. Они дрожали, словно натянутые струны, готовые лопнуть от малейшего прикосновения. Цвет эфира изменился: из чистого голубого он стал мутно-серым, с багровыми вкраплениями, напоминающими запекшуюся кровь.

«Эфир устал», — пришла ей в голову мысль, пугающая своей простотой и глубиной.

За последний год магия использовалась интенсивнее, чем за предыдущие десятилетия. Война с «Хроносом», ментальные дуэли, массовые защитные ритуалы, постоянная работа Академии — всё это оставило след. Магия — это не бесконечный ресурс. Это живая система, реагирующая на эмоциональный фон практиков. А эмоции последних месяцев были далеки от гармонии: страх, гнев, боль, напряжение. Эфир впитал всё это, как губка, и теперь начинал отдавать назад в виде хаоса.

Эля вернулась в лабораторию и села за стол. Ей нужно было найти решение. Нельзя просто запретить магию. Нельзя остановить жизнь. Но нужно было научиться работать с

«уставшим» эфиром. Очищать его. Гармонизировать.

Она открыла свои записи о «Шифре Личности». Если индивидуальный разум можно защитить от внешнего шума, то можно ли защитить сам эфир от шума человеческих эмоций? Можно ли создать фильтр, который будет пропускать чистую волю, но блокировать деструктивные импульсы?

Это была амбициозная задача. Требующая не только знаний, но и нового подхода к магии. Подхода, основанного не на контроле, а на сотрудничестве с природой энергии.

В дверь постучали. Вошла Лира. Девушка выглядела еще более бледной и испуганной, чем вчера.

«Директор Элеонора, — прошептала она. — Оно стало громче».

«Что именно?», — спросила Эля, подходя к ней.

«Шепот. Голоса. Они кричат. Эфир... он болит. Я чувствую его боль везде. В стенах. В воздухе. В людях».

Лира схватилась за голову.

«Помогите мне. Пожалуйста. Я не могу думать. Я не могу быть собой».

Эля обняла девушку, чувствуя, как та дрожит всем телом.

«Тише, Лира. Дыши. Я здесь».

Она активировала свой «Шифр Личности», создавая вокруг них обоих защитный купол тишины. Но на этот раз она настроила его иначе. Не на блокировку, а на резонанс. Она попыталась синхронизировать свой ритм с ритмом Леры, чтобы успокоить её.

И вдруг она почувствовала это. Сквозь защиту, сквозь шум города, сквозь боль девушки. Слабый, но отчетливый сигнал. Кто-то другой чувствовал то же самое. Кто-то другой слышал этот крик эфира. И этот кто-то не пытался его заглушить. Он прислушивался.

Сигнал шел из старого района, где когда-то располагались мастерские алхимиков. Района, который сейчас считался заброшенным и опасным.

«Лира, — тихо сказала Эля. — Ты можешь показать мне, откуда идет самый сильный голос?»

Девушка подняла глаза. В них было страдание, но также и облегчение от того, что её слышали.

«Там, — указала она дрожащей рукой на юг. — Там темно. Но там... там есть ответ».

Эля кивнула.

«Мы пойдем туда. Сейчас».

Улицы старого района встретили их тишиной. Здесь не было суеты центра. Дома стояли заколоченные, окна выбиты, мостовая заросла мхом. Воздух пах сыростью и старой пылью. Но эфир здесь был другим. Менее загрязненным. Более чистым, хотя и печальным.

Лира шла впереди, ведя Элю по узким переулкам. Чем глубже они заходили, тем сильнее становился шепот. Но это был не хаотичный шум. Это была мелодия. Грустная, медленная, полная тоски.

Они остановились перед полуразрушенным зданием быв-

шей алхимической лаборатории. Дверь была приоткрыта. Изнутри пробивался слабый свет.

Эля толкнула дверь. Внутри было пусто, если не считать одного человека, сидящего посреди зала на старом стуле. Это был старик, одетый в простые серые одежды. Его глаза были закрыты, руки лежали на коленях ладонями вверх. Вокруг него воздух вибрировал, создавая сложные узоры из света и тени.

«Вы пришли», — сказал он, не открывая глаз. Голос его был тихим, но четким. «Я ждал вас, Директор Элеонора. И тебя, дитя шума».

Лира замерла, прячась за спиной Эли.

«Кто вы?», — спросила Эля, активируя защитный контур.

«Меня зовут Элариус, — ответил старик. — Когда-то я был коллегой вашего наставника, Валериана. А теперь я просто слушатель».

Он открыл глаза. Они были молочными, слепыми, но в них читалась глубокая мудрость.

«Вы чувствуете боль эфира, — продолжил он. — Большинство магов игнорирует её. Они считают эфир инструментом. Ресурсом. Но эфир — это память мира. И мир помнит всё. Каждую войну. Каждую ложь. Каждую слезу. И теперь он устал нести этот груз».

Эля подошла ближе.

«Что вы предлагаете? Как нам помочь ему?»

«Не помогать, — покачал головой Элариус. — А слу-

шать. Принимать. Мы создали "Чистых", потому что поняли: единственный способ исцелить эфир — это очистить тех, кто им пользуется. Убрать источник загрязнения. Убрать эго. Убрать боль».

Эля напряглась.

«"Чистые"? Вы имеете в виду ту секту, которая хочет стереть индивидуальность?»

«Не стереть, — мягко поправил старик. — Растворить. Стать частью целого. Как капля становится частью океана. В океане нет боли. Нет страха. Есть только покой. И гармония».

Лира сделала шаг вперед.

«Это звучит красиво, — прошептала она. — Так тихо...»

«Нет!», — резко сказала Эля. — «Это смерть, Лира. Океан не чувствует. Океан не любит. Океан не творит. Быть каплей — значит потерять себя. А мы ценим себя именно за нашу уникальность. За нашу способность чувствовать боль и радость».

Элариус улыбнулся грустной улыбкой.

«Боль — это цена за иллюзию отдельности, девочка. Но иллюзия разрушается. Эфир требует правды. И правда в том, что мы все едины. Разделение — это причина страданий».

Он протянул руку.

«Присоединяйтесь к нам. Помогите нам исцелить мир. Отказавшись от себя».

Эля посмотрела на его руку. Потом на Лиру, в глазах ко-

торой мелькало колебание. Потом на свои собственные руки, испещренные шрамами опыта и труда.

«Я отказываюсь, — твердо сказала она. — Потому что я люблю этот мир. Со всей его болью. Со всем его хаосом. И я буду лечить эфир не через отрицание жизни, а через её утверждение».

Она взяла Лиру за руку.

«Мы уходим».

Элариус опустил руку.

«Жаль, — сказал он тихо. — Но время покажет, кто прав. Эфир не ждет. Он уже начал меняться. И те, кто не сможет адаптироваться, будут сметены».

Эля и Лира вышли из здания. На улице снова шел дождь. Холодный, пронзительный.

«Что это было?», — спросила Лира, дрожа.

«Это был выбор, — ответила Эля. — Выбор между покоем небытия и бурей жизни. И мы выбрали жизнь».

Но внутри у неё было тревожно. Слова Элариуса запали глубоко. Эфир действительно менялся. И если они не найдут способ работать с ним по-новому, последствия могут быть катастрофическими.

Они пошли домой. Через мокрый, серый, живой город. Город, который стонал от боли, но продолжал биться.

Вечером, вернувшись в Башню, Эля открыла «Книгу шифров». На новой странице написала:

«День второй. Эхо искажений. Магия — это не инстру-

мент. Это партнер. И партнер устал. Нужно учиться новому языку. Языку сочувствия к миру».

Под этим она нарисовала две спирали, переплетающиеся, но не сливающиеся. Символ единства в многообразии.

За окном гроза усиливалась. Молнии разрезали небо. Но Эля знала: после грозы всегда приходит очищение. Нужно только переждать бурю. И остаться собой.

Глава 3. Голос пустоты

Третье утро после визита к Элариусу началось с ощущения липкой, навязчивой тревоги, которая осела на душе Эленоры тонким слоем, словно пыль после бури. Дождь за окном прекратился, оставив после себя серое, низкое небо и лужи, отражающие унылый свет дня. Но внутри Башни воздух был тяжелым не от влажности, а от напряжения. Эля проснулась с мыслью о словах слепого старика: «Эфир требует правды. И правда в том, что мы все едины». Эти слова звучали красиво, почти гипнотически, но в их сладкой мелодии скрывался яд отрицания личности.

Она встала, подошла к зеркалу. Отражение смотрело на неё уставшими глазами. Под ними залегли тени бессонницы. За последние дни она слишком много работала, слишком много думала, слишком мало спала. Бремя лидерства давило на плечи, а новая угроза со стороны «Чистых» добавляла к этому грузу страх неизвестности. Кто они такие? Сколько их? Какова их истинная цель? И почему Лира так легко поддалась их влиянию?

В лаборатории Валериана по-прежнему не было. Пустое кресло напротив стола казалось ей сейчас не просто отсутствием человека, а зияющей дырой в защите. Эля села за свой рабочий стол и открыла архивы Академии. Она искала упоминания об Элариусе. Имя было знакомым, но редким. В

старых журналах, датированных двадцатилетней давностью, она нашла несколько заметок. Элариус Вейн. Бывший коллега Валериана Тэна. Талантливый теоретик эфира. Исчез из публичного поля вскоре после основания Ордена Стабильности. Ходили слухи, что он не согласился с методами Корвина, но и не поддержал Валериана. Он выбрал третий путь. Путь ухода.

«Третий путь», — пробормотала Эля. — «Путь отказа от мира».

Она продолжила поиск. И нашла кое-что более тревожное. Список студентов, которые отчислились из Академии за последний год. Их было больше десятка. Все они исчезли бесследно. Родители писали жалобы, утверждая, что дети ушли добровольно, оставив лишь записки с фразами вроде: «Я нашел покой», «Шум стих», «Я стал частью целого».

Эля почувствовала холодок. Это не были случайные совпадения. «Чистые» вербовали молодежь. Тех, кто был чувствителен, раним, разочарован в мире. Тех, кто, как Лира, слышал «крик эфира» и искал спасения от боли.

Дверь лаборатории открылась. Вошел магистр Кайл, её ассистент. Его лицо было бледным, взгляд бегающим.

«Директор Элеонора, — начал он тихо. — У нас проблема. Еще трое студентов старшего курса не пришли на занятия. Их комнаты пусты. Вещи собраны. На столах лежат записки».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.